

Лайма Кота. «Охотники за чудесами»
Рисунок по мотивам творчества
художника Мехмета Сияха Калема (XV в.)
2021, Стамбул, Турция

Настоящая журнальная подборка – продолжение начатой в 2020 г. обширной темы чуда – его феноменологии, социальных и культурных функций, семиотических связей и антропологических контекстов (см.: *Studia religiosa rossica*. 2020. № 3). За время нашей работы – а в декабре 2020 г. исполнилось два года с того момента, как мы начали разрабатывать подходы и собирать материал настоящих публикаций – авторы не только подготовили для публикации свои статьи и эссе, но и провели несколько семинаров и бесед, на которых обсуждали важнейшие модели, случаи и обстоятельства чудес, равно как и само явление чуда в культурах и языках разных стран и народов. В результате этой совместной плодотворной работы было выявлено множество граней и аспектов чуда: с одной стороны, его внезапность, с другой – регулярность, которая в ряде случаев даже превращается в некоторую рутинность, его неожиданность и необходимость, его желанность и опасность.

Мы исследовали феномен чуда в рамках религиозных культур и в повседневности, его толкование разными теологиями, попытались выявить его связь с магическими практиками, и наоборот, противопоставление им.

В ходе чтения литературы, размышления и разговоров нам удалось составить некоторый глоссарий, в котором объединили ряд

слов, понятий и терминов, так или иначе обозначающих «чудо» в различных языках. Это, в частности, *от* («знак»), *нифла* («чудо-декларация»), *пеле* («чудо-диковинка»), *нес* и *ешуа* («чудо-спасение»; «чудо-исцеление») в текстах еврейской Библии и современного хасидизма, *чаматкар* (хинди), *парчо* (в языках Гархвала и Кумаона Индии как особый культурный феномен, случаи неожиданного проявления божества или божественной силы вне ритуалов и по большей части без участия медиума), сицилийские *ристарри мприссионату* (букв. «остаться под впечатлением», или «быть впечатленным»), *ассинкупати* («быть [вследствие встречи с чудом] под мороком»), *миракулати* («очарованный», буквально «очужденный»), *фортунати* («осчастливленный [от встречи с чудом]»), *миравиггхиату* («остаться изумленным, удивленным»), *аллоккату* («сдуревший [вследствие встречи с чудом]»), *мукджизат* и *кеаджайбан* в языке Индонезии бахаса, *карамат* в ряде тюркских языков и многие другие. Вокруг каждого из этих понятий сформировались узлы множества ассоциаций, связывающих «чудо» с другими концептами и выводящими его на другие культурные категории.

В двух журнальных подборках был собран обширный материал, по-разному раскрывающий явление чудесного: это и встречи со сверхъестественными существами (*бхутами*, *джиннами*, *пейи*), и результат деятельности различных специалистов священного (жрецы, шаманы, колдуны, вызыватели дождя, муллы), и традиция *мирабилизации* – формирование и поддержание особых нарративов, построенных на идее чуда, и многое другое.

Самым общим основанием классификации чудес и чудесного, с моей точки зрения, могут быть представления о чуде как о событии-процессе, о зарождении чуда на глазах наблюдателей (и тогда здесь важнейшим ставится сценарий, ход действия, обстоятельства, разворачивание чуда) и о чуде как о факте, явлении (где акцент делается на предметы, инструменты, существа как «заранее» «чудесные»). Однако и в том, и в другом случае примечательно, что сам «факт» чуда оказывается весьма субъективным, эфемерным и легко ускользает.

Можно сказать, что чудо – это феномен продленного существования, где начало и конец остаются глубоко скрытыми, хотя и не перестают порождать актуальные события и явления. Таким образом, продолжение чуда – удивительное имманентное свойство, приравнивающее его к тайне происхождения и феномена самого бытия.

Светлана Рыжакова
Москва, 20.12.2020,
канун зимнего солнцеворота